

Непоэмание

Автор:

[Вера Полозкова](#)

Непоэмание

Вера Полозкова

Стихи Веры Полозковой – это такое же ураганное и яркое явление, как и она сама.

Неимоверный магнетизм её обаяния и точные ритмы суждений переносятся в книгу, где каждый находит самого себя: окрылённого, расстроенного, обманутого или влюблённого.

Вера Полозкова

Непоэмание

Маме

Йовану

Трёпе

Лене

Косте

Гро

Русу

Бергеру

Лёше

Тиму

Володе

«Губы плавя в такой ухмылке...»

Губы плавя в такой ухмылке,

Что на зависть и королю,

Он наколет на кончик вилки

Мое трепетное “люблю”.

И с лукавством в медовом взоре

Вкус божественным наречёт.

И графу о моем позоре

Ему тоже запишут в счёт.

24 октября 2003 года

Люболь. История болезни

Голос – патокой жирной. Солono.

Снова снилось его лицо.

Символ адава круга нового —

Утро. Дьявола колесо.

«Нет, он может – он просто ленится!»

«Ну, не мучает голова?»

Отчитаться. Удостовериться —

Да, действительно,

Ты жива.

Держит в пластиковом стаканчике

Кофе – приторна как всегда.

А в ночную? – Сегодня Танечке

Подежурить придётся – да?

Таня – добрая, сверхурочная —

Кротость – нету и двадцати...

Попросить бы бинтов намоченных

К изголовью мне принести.

Я больная. Я прокажённая.

Мой диагноз – уже пароль:

«Безнадёжная? Заражённая?

Не дотрагиваться – Люболь».

Солнце в тесной палате бесится

И Голгофою на полу —

Крест окна. Я четыре месяца

Свою смерть по утрам стелю

Вместо коврика прикроватного, —

Ядом солнечного луча.

Таня? Тихая, аккуратная...

И далекой грозой набатною —

Поступь мерная главврача.

Сухо в жилах. Не кровь - мазутная

Жижа лужами разлита

По постели. Ежеминутное

Перевязыванье бинта

Обнажает не ткань багровую —

Черный радужный перелив

Нефти - плёнкой миллиметровой —

Будто берег - меня накрыв.

Слитое. Выпарено. Откачено

Все внутри - только жар и сушь.

Сушь и жар. Горло перехвачено.

Голос как у шальных кликуш.

Слезы выжаты все. Сукровицу

Гонит слёзная железа

По щекам - оттого лиловятся

И не видят мои глаза.

День как крик. И зубцами гнутыми —

Лихорадочность забытья.

День как дыба: на ней рас-пнуты мы —

Моя память - и рядом я.

Хрип,

Стон, —

Он.

Он.

День как вихрь в пустыне - солоно,

А песок забивает рот.

Днём - спрессовано, колесовано —

И разбросано у ворот.

Лязг.

Звон.

Он.

Он.

Свет засаленный. Тишь пещерная.

Мерный шаг - пустота идёт.

Обходительность предвечерняя —

А совсем не ночной обход.

Лицемерное удивленьице:

«Нынче день у Вас был хорош!» —

Отчитаться. Удостовериться —

Да, действительно,

Ты умрёшь.

Просиявши своей спасённостью,

«Миновала-чаша-сия» —

Не у ней же мы все на совести —

Совесть

Есть

И у нас

Своя.

...Утешения упоительного

Выдох - выхода брат точь-в-точь, —

Упаковкой успокоительного:

После вечера

Будет ночь.

Растрavляющее,

Бездолящее

Око дня - световой капкан.

Боже, смилостивись! - обезболивающего —

Ложку тьмы

На один стакан.

Неба льдистого литр —

В капельницу

Через стекла налить позволь.

Влагой ночи чуть-чуть отплакивается

Моя проклятая

Люболь.

Отпивается – как колодезной

Животворной святой водой.

Отливается – как в палящий зной

Горной речкою молодой —

Заговаривается...

Жалится!..

Привкус пластиковый во рту.

Ангел должен сегодня сжалиться

И помочь перейти черту.

Пуще лести велеречивая,

Громче бегства из всех неволь —

Слава, слава, Неизлечимая

Безысходность Твоя, Люболь!

Звонче! – в белом своем халатике

Перепуганная сестра —

Воспеваю – Хвала, Хвала Тебе,

Будь безжалостна и остра!

Пулей – злою, иглою – жадною!

Смерти Смертью и Мукой Мук!

Я пою тебя, Беспощадная

Гибель, Преданный мой Недуг!..

Сто «виват» тебе, о Великая...

Богом... посланная... чума...

Ах, как солоно... Эта дикая

Боль заставит сойти с ума...

Как же я... ненавижу поздние

Предрассветные роды дня...

Таня! Танечка! Нету воздуха!

Дверь балконную для меня

Отворите... Зачем, зачем она

Выжигает мне горло - соль...

Аллилуйя тебе, Священная

Искупительная Любошь.

Ночь с 12 на 13 января 2004 года

Покер

Надо было поостеречься.

Надо было предвидеть сбой.

Просто Вечный хотел развлечься

И проверить меня тобой.

Я ждала от Него подвоха —

Он решил не терять ни дня.

Что же, бинго. Мне правда плохо.

Он опять обыграл меня.

От тебя так тепло и тесно...

Так усмешка твоя горька...

Бог играет всегда нечестно.

Бог играет наверняка.

Он блефует. Он не смеётся.

Он продумывает ходы.

Вот поэтому медью солнце

Заливает твои следы,

Вот поэтому взгляд твой жаден

И дыхание – как прибой.

Ты же знаешь, Он беспощаден.

Он расплавит меня тобой.

Он разъест меня чёрной сажой

Злых волос твоих, злых ресниц.

Он, наверно, заставит даже

Умолять Его, падать ниц —

И распнёт ведь. Не на Голгофе.

Ты – быстрее меня убьёшь.

Я зайду к тебе выпить кофе.

И умру

У твоих

Подошв.

Ночь с 23 на 24 апреля 2004 года

Банкиры

Портят праздник городу разодетому.

Вместо неба – просто густое крошево.

Ты на море, мама, и вот поэтому

Не идет на ум ничего хорошего.

Знаешь, мама – Бога банкиры жирные

Нам такие силы дают кредитами!

Их бы в дело! Нет, мы растем транжирами,

Вроде бы богатыми – но сердитыми,

Прожигаем тысячами – не центами

Божье пламя – трепетное, поэтово!

Но они потребуют всё. С процентами.

И вот лучше б нам не дожить до этого.

Их-то рыла глупо бояться пшённного —

Только пальцем будут грозить сарделечным.

Но оставят перечень несвершённого.

И казнят нас, в общем-то, этим перечнем.

И пришпилят кнопочками к надгробию —
Что им с нами, собственно, церемониться.

У тебя ж поэтому, мама, фобия

Брать займы. И еще бессонница —

Ты ведь часто видишься с кредиторами.

Их не взять подачками и вещичками.

За тобой идут они коридорами

И трясут бумагами ростовщичьими.

А в меня кошмарные деньги вложены.

И ко мне когда-нибудь тоже явятся.

Мне теперь – работать на невозможное.

А иначе, мама, никак не справиться.

Ночь с 9 на 10 мая 2004 года

Недопуск к сессии

– Ваше имя

Нигде не значится.

– Я – богиня?

– Вы неудачница.

13 мая 2004 года

Анне Заболотной, на 19-летие

Взглядом снимет скальп – но умеет плакать,

И тем бесценна.

Фронт борьбы – от Таллинна до Одессы.

Под ногами нашими просто слякоть,

Под нею – сцена:

Каждый день – сюжет одноактной пьесы.

Табуны лихие хрипят устало

В её моторе.

И любую фальшь она чует кожей.

Бог следит за ней по сигналу

На мониторе —

Это называется искрой Божьей.

4 июня 2004 года

Девушки

Нет, мужчины дерутся лбами да кулачищами —

А не рвут артерий ногтем у ворота.

Ты же чуть заденешь локтями хищными —

И брюшная полость до сердца вспорота.

Мы убить могли бы – да нет, не те уже.

Все-таки циничные. И свободные.

В том, как люто девушки любят девушек —

Что-то вечно чудится

Безысходное.

13 июня 2004 года

Малютка

Я отвечу завтра им на экзамене,

Пальцы стискивая в кольцо —

Перед боем, верно, на древнем знамени

Рисовали твоё лицо.

Все твои автографы - видишь, клеймами

Запекаются на груди.

Мне так больно, дитяtko. Пожалей меня.

Не губи меня. Пощади.

Я ведь вижу - я не сошла с ума ещё,

Ещё чую ногами твердь —

Сквозь тебя капризно, непонимающе

Хмурит бровки

Малютка

Смерть.

Ночь с 14 на 15 июня 2004 года

Боль

Подарили боль – изысканный стиль и качество.

Не стихает, сводит с ума, поётся.

От неё бессовестно горько плачется.

И катастрофически много пьётся.

Разрастётся, волей, глядишь, надышится.

Сеточкой сосудов в глазах порвётся.

От тебя немислимо много пишется.

Жалко, что фактически не живётся.

16 июня 2004 года

Змея

– Жизнь-то? Да безрадостна и пуста.

Грязь кругом, уродство и беспредел.

– Ты живешь за пазухой у Христа!

– Значит, Он змею на груди пригрел.

22 июня 2004 года

Питер

Я уеду завтра – уже билет.

Там колонны – словно колпак кондитера.

Да, вот так – прожить восемнадцать лет

И ни разу не видеть Питера.

Сорван голос внутренний – только хрип.

Мы шипим теперь, улыбаясь кобрами.

Москоу-сити взглядами нежит добрыми,

А потом вырастает в людей как гриб.

Разве что, в ответ на моё письмо,

Появляясь вдруг из толпы послушников,

Счастье здесь – находит меня само

И часами бьётся потом в наушниках;

Здесь почти нет поводов для тоски —

Но амбиций стадо грохочет стульями,

И сопит, и рвёт меня на куски,

Челюстями стискивая акульими,

Так что я уеду – уже ключи,

Сидиплеер, деньги, всё, сопли вытерли —

И – “Стрелой” отравленной – москвичи,

Вы куда, болезные, уж не в Питер ли?..

1 июля 2004 года

Биографы

Тяжело с такими ходить по улицам —

Все вымаливают автографы:

Стой и жди поодаль, как угол здания.

Как ты думаешь – ведь ссутулятся

Наши будущие биографы,

Сочиняя нам оправдания?

Будут вписывать нас в течения,

Будут критиков звать влиятельных,

Подстригут нас для изучения

В школах общеобразовательных:

Там Цветаевой след, тут – Хлебников:

Конференции, публикации —

Ты-то будешь во всех учебниках.

Я – лишь по специализации.

Будут вчитывать в нас пророчества,

Возвеличивать станут бережно

Наше вечное одиночество,

Наше доблестное безденежье.

Впрочем, всё это так бессмысленно —

Кто поймёт после нас, что именно

Пётр Первый похож невысказанно

На небритого Костю Инина?

Как смешно нам давать автографы —

И из банок удить клубничины?

Не оставят же нам биографы,

Прав на то, чтобы быть обычными.

Ни на шуточки матерщинные,

Ни на сдавленные рыдания.

Так что пусть изойдут морщинами,

Сочиняя нам оправдания.

15 июля 2004 года

Солнце

В схеме сбой. Верховный Электрик, то есть,

Постоянно шлёт мне большой привет:

Каждый раз когда ты садишься в поезд, —

У меня внутри вырубает свет.

Ну, разрыв контакта. Куда уж проще —

Где-то в глупой клемме, одной из ста.

Я передвигаюсь почти наощупь

И перестаю различать цвета.

Я могу забыть о тебе законно

И не знать – но только ты на лету
Чемодан затащишь в живот вагона —
Как мой дом провалится в темноту.

По четыре века проходит за день —
И черно, как в гулкой печной трубе.
Ходишь как слепой, не считаешь ссадин
И не знаешь, как позвонить тебе

И сказать – ты знаешь, такая сложность:
Инженеры, чёртовы провода...
Моё солнце – это почти как должность.

Так не оставляй меня никогда.

Ночь с 21 на 22 июля 2004 года

За тобой

По салютам, ракетным стартам,
По воронкам и перестрелкам —
Я слежу за тобой по картам.
Я иду за тобой по стрелкам.

Между строк, по чужим ухмылкам,
По аккордам, по первым звукам —
Я хожу за тобой по ссылкам,
Я читаю тебя по буквам;

Терпкой кожей своей барханьей,
В звоне полупустых бутылок —
Ты ведь чуешь мое дыханье,
Обжигающее затылок?

Разворачиваешься круто,
Гасишь фары и дышишь тяжело?
Позабыв, что твои маршруты —
Все мои: мы в одной упряжке.

Закольцованы, как в цепочке,
И, как звенья, литы и жестки.
Мы столкнёмся в конечной точке.
На решающем перекрёстке.

Ночь с 1 на 2 августа 2004 года

Сны

Всё топлюсь вроде в перспективах каких-то муторных —
Но всегда упираюсь лбом в тебя, как слепыш.
Я во сне даже роюсь в папках твоих компьютерных,
Озверело пытаюсь выяснить, с кем ты спишь.
Пронесёт, может быть, всё думаю, не накинется —
Но приходит, срывая дамбы, стеклом звеня —

Ты мне снишься в слепяще-белой пустой гостинице,

Непохожим, задолго, видимо, до меня;

Забываюсь смешными сплетенками субботними,

Прячусь в кучи цветастых тряпочек и вещиц —

Твоё имя за мною гонится подворотнями,

Вылетая из уст прохожих и продавщиц,

Усмехается, стережёт записными книжками,

Подзывает – не бойся, девочка, я твой друг,

И пустыни во сне скрипят смотровыми вышками,

Ты один там – и ни единой души вокруг;

Не отмаливается – исповеди да таинства,

Только всё ведь начнётся снова, едва вернусь.

Мы, наверное, никогда больше не расстанемся,

Если я вдруг однажды как-нибудь

Не проснусь.

6-7 августа 2004 года

Хлороформ

Писать бы на французском языке —

Но осень клонит к упрощённым формам,

Подкрадываясь сзади с хлороформом

На полосатом носовом платке.

Поэтом очень хочется не быть.

Ведь выдадут зарплату в понедельник —

Накупишь книг и будешь жить без денег.

И только думай, где их раздобыть.

Я многого не стала понимать.

Встречалась с N – он непривычно тощий.

Он говорит по телефону с тещей

И странно: эта теща мне не мать.

Друзья повзростали в деловых

Людей, весьма далёких от искусства.

Разъехались. И пакостное чувство,

Что не осталось никого в живых.

И осень начинается нытьём

И вообще противоречит нормам.

Но в воздухе запахло хлороформом,

А значит, долгожданным забытьём.

Ночь с 14 на 15 августа 2004 года

Дальше

С таких войн, как ты, никогда не прийти назад.

Впрочем, знаешь, тебе не стоит об этом думать.

С цифровых моих фотографий и пыль не сдунуть.

И не надо; я обойдусь без имён и дат.

Как на вечный огонь придут на тебя смотреть —

Ты останешься от меня, когда я остыну.

Но пока я ещё иду, я прошла лишь треть,

Пока солнце лучистой плетью сечёт мне спину,

Пока я собираюсь к морю, но что с того —

Мне и там выводить стихи твои на обоях.

Я люблю тебя больше, чем ангелов и Самого,

И поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих - [1 - Иосиф Бродский
«Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...»]

Ещё дальше; пока саднит, пока голос дан,

Пока прочь бегу, но до пикселей помню лица,

И ещё - не забыть Спасителя в чемодан.

Чтоб нигде не переставать за тебя молиться.

Ночь с 19 на 20 августа 2004 года

Наскальное

Сайде - на чай

Свиться струйкой водопроводной —

Двинуть к морю до холодов.

Я хочу быть такой свободной,

Чтобы не оставлять следов.

Наблюдая, как чем-то броским

Мажет выпуклый глаз заря,

Я хочу быть немного Бродским —

Ни единого слова зря.

* * *

«Все монеты - в море. Чтоб не пропить» —

И швыряют горстями из

Дранных сумок деньги. И стало быть —

Вы приехали в Симеиз.

Два народа: семьи смешных мещан,

Что на море сварливят «Ляжь!»

И безумцы - бесятся сообща,

Убегают на голый пляж, —

Их глаза вращаются как шасси,

Заведённые ЛСД.

Я же пью свой кофе в «Дженнет кошеси»,

Что сварила моя Сайде.

* * *

Сумасшествием дышит ветер —

Честно, в городе карантин:

Здесь, наверное, каждый третий —

Из кустурицевых картин.

Всяк разморен и позитивен.

Джа здесь смотрит из каждой глаз —

По полтиннику мятых гривен

Стоит правильный ганджубас.

Улыбаются; в пляжных тапках

Покоряют отвесный склон.

И девицы в цветастых шапках

Стонут что-то про Бабилон.

* * *

Рынок, крытый лазурным небом —

И немислимо пахнет всё:

Заглянуть сюда за тандырным хлебом —

И уйти навьюченной, как осёл.

Здесь кавказцы твердят всегда о

Том, что встречи хотят со мной.

У меня на плече иероглиф «Дао»,

Нарисованный чёрной хной.

* * *

Кроме нас и избранных – тех, кто с нами

Делит побережье и пьёт кагор,

Есть все те, кто дома – а там цунами,

И мы чуем спинами их укор.

Отче, скрась немного хотя бы часть им

Неисповедимых Твоих путей.

Ты здесь кормишь нас первосортным счастьем —

А на нашей родине жжёшь детей.

* * *

Море: в бурю почти как ртуть,

В штиль – как царская бирюза.

Я: медового цвета грудь

И сандалового – глаза.

* * *

Жить здесь. Нырять со скал на открытом ветре.

В гроты сбегать и пережидать грозу.

В плотный туман с седой головы Ай-Петри

Кутать худые плечи – как в органзу.

Долго смотреть, пока не начнёт смеркаться,

Как облака и камни играют в го.

А мужчины нужны для того, чтобы утыкаться

Им в ключичную ямку – больше ни для чего.

* * *

Кофе по-турецки, лимона долька,

Сулугуни и ветчина.

Никого не люблю – тех немногих только,

На которых обречена.

Там сейчас мурашками по проспекту

Гонит ветер добрых моих подруг.

И на первых партах строчат конспекты

По двенадцать пар загорелых рук.

Я бы не вернулась ни этим летом,

Ни потом – мой город не нужен мне.

Но он вбит по шляпку в меня – билетом,

В чемодане красном, на самом дне.

Тут же тополя протыкают бархат

Сюртука небес – он как решето;

Сквозь него холодной Вселенной пахнет

И глядит мерцающее ничто.

Ночи в Симеизе – возьми да рухни

С гор в долину – и никого в живых.

И Сайде смеётся из дымной кухни

И смешно стесняется чаевых.

8-10 сентября 2004 года

Войлок

Жить надо без суфлёров, зато с антрактами —

Пусть все уйдут есть булки и шоколад.

Я буду слушать, кутаясь в свой халат,

Как он берёт дыхание между тактами

Самой простой и искренней из баллад.

Небо поизносилось и прогибается,

Пузом накрыв обломки больших держав.

Дыры в нём - с море Беринга или Баренца! —

Я ощущаю, как она улыбается,

Ночью, на кухне, трубку плечом зажав.

Поизносилось, служит бедняцким пологом,

Даже стекляшки реденькие дрожат.

Время за воротник меня тащит волоком.

И голова набита тоской как войлоком,

Словно у старых плюшевых медвежат.

21 сентября 2004 года

Три цента

Да что у меня, нормально всё, так, условно.

Болею уже, наверно, недели две.

Мы вроде и говорим с тобой, а дословно

Известно всё, как эпитафия к пустой главе.

Не видимся совершенно, а чувство, словно

Ношу тебя, как заложника, в голове.

Пора, моё солнце, слишком уж много разниц

Растрескалось – и Бог ведаёт, почему.

И новое время ломится в дом и дразнит

И хочет начаться, тычется носом в тьму.

Как будто к тебе приходит неожиданный праздник,

А ты разучилась радоваться ему.

Пора, моё солнце, глупо теперь прощаться,

Когда уже всё сказали, и только стон.

Сто лет с тобой не могли никак натрещаться,

И голос чужой гудел как далёкий фон,

И вот наконец нам некуда возвращаться,

И можно спокойно выключить телефон.

И что-то внутри так тянется неприятно —

Страховочная верёвка или плацента,

И резать уже бы, рвать бы – давай-ка, ладно,
Наелись сцен-то,
А дорого? – Мне бесплатно,
Тебе три цента.

Пора, моё солнце, – вон уже дует губки
Подружка твоя и пялится за окно.
Как нищие всем показываем обрубки
Своих отношений: мелочно и смешно.
Давай уже откричимся, отдёрнем трубки
И, воду глотая, камнем уйдём на дно.

Ночь с 29 на 30 сентября 2004 года

Францу Кафке

Резво и борзо,
Выпучив линзы,
Азбукой Морзе,
Пластикой ниндзя,
Донельзя близко,
Лезвийно резко,
Чтоб одалиской —
За занавеску;
Пулей сквозь гильзу,

Нет, безобразней:

Смёрзшейся слизью,

Скомканной грязью,

Чтоб каждый сенсор

Вздрагнул, как бронза:

«Боль – ты – мой – цензор,

Боль – ты – мой – бонза»;

Медленно, длинно,

Словно он сам – за,

В панцирь хитина

Бросят вонзаться

(Вот бы хребтину

Перегрызать за!..)

Яблоко в спину

Грегора Замзы.

Как в самом деле

Просто до жути:

Боли хотели —

Так торжествуйте.

Небо как пемза.

Окна без солнца.

Боль – ты – мой – цензор.

Боль – ты – мой – бонза.

Будто угрозу,
Видно не сразу
Зоркую язву,
Что одноглаза;
Казнь вызывала
Стыдные слезы:
Сеет заразу
Злая заноза —
Вьёт свои гнёзда,
Ширится бездной.
И стало поздно.
И бесполезно.

Вырвался.

Взвился.

Тельце, как пнули —

Лязгнуло гильзой

Пущенной пули.

Ночь с 7 на 8 октября 2004 года

«Без всяких брошенных невзначай...»

Без всяких брошенных невзначай

Линялых прощальных фраз:

Давай, хороший мой, не скучай,

Звони хоть в недельку раз.

Навеки – это всего лишь чай

На верхние веки глаз.

Всё просто, солнце – совет же та

Гнездо тебе наконец.

И мне найдётся один из ста

Красавчик или наглец.

Фатально – это ведь где фата

И блюдечко для колец.

И каждый вцепится в свой причал

Швартовым своим косым.

И будет взвизгивать по ночам

Наверное даже сын.

«Любовь» – как «обувь», не замечал?

И лучше ходить босым.

19 октября 2004 года

Кому-то

Впитать – и всё унести под кожей.

И ждать расстрела auf dem Hof.

Сутуло слушать в пустой прихожей

Густое эхо твоих духов.

Инфинитивами думать. Слякоть

Месить и клясться – я не вернусь.

И кашлять вместо того, чтоб плакать,

И слушать горлом проклятый пульс,

Что в такт ударным даёт по шее,

Пытаясь вырваться изнутри.

Из тесных «здравствуй», как из траншеи,

Хрипеть – оставь меня. Не смотри.

Фотографировать вспышкой гнева

Всё то бессчётное, что не мне.

И сердцу будто бы – ты вот, слева!

А ну-ка быстро лицом к стене!

И хохотать про себя от злобы,

В прихожей сидя до темноты:

Со мной немислимо повезло бы

Кому-то, пахнущему, как ты.

1-2 ноября 2004 года

Сиренами

Парализуя солнечным «Ну, в четверг?» —
Опытно, аккуратно, до костных тканей.
Самым необратимым из привыканий,
Где-то внутри всплывающим брюхом вверх.

А они говорят: Не лезь!

А они говорят: Уважь,

Что в тебе за резь?

Что в тебе за блажь?

Где в тебе тайник?

Где в тебе подвох?

Ты мой первый крик.

И последний вздох.

Глядя в глаза с другой стороны воды.

Шейкером для коктейля полов и наций.

Самой невозмутимой из интонаций,

Вывернутой в синоним большой беды.

А они говорят: Не здесь!

А они говорят: Не трожь!

Что в тебе за спесь?

Что в тебе за дрожь?

Это что за взгляд?

Это что за тон?

Ты мне верный яд

И предсмертный стон.

Спутавшимся дыханием, как у двух

Мальчиков, засыпающих в позе ложек.

Выстрелами. Сиренами неотложек,

Чтобы от страха перехватило дух.

А они говорят: Позволь!

А они тычут пальцем: Вон!

Что в тебе за боль?

Что в тебе за звон?

Побежишь – мы в бок

Сыпанем свинца.

Если ты мне бог —

Значит, до конца.

10 ноября 2004 года

Жреческое

Город стоит в метельном лихом дурмане —

Заспанный, индевеющий и ничей.

Изредка отдаваясь в моём кармане

Звонкой связкой твоих ключей.

К двери в сады Эдема. Или в Освенцим.

Два поворота вправо, секунд за пять.

Встреть меня чистым выцветшим полотенцем.

И футболкой, в которой спать.

* * *

Что-то, верно, сломалось в мире.

Боги перевели часы.

Я живу у тебя в квартире

И встаю на твои весы.

Разговоры пусты и мелки.

Взгляды – будто удары в пах.

Я молюсь на твои тарелки

И кормлю твоих черепах.

Твои люди звонками пилят

Тишину. Иногда и в ночь.

Ты умеешь смотреть навывлет

Я смотрю на тебя точь-в-точь,

Как вслед Ною глядели звери,

Не допущенные в Ковчег.

Я останусь сидеть у двери.

Ты уедешь на саундчек.

* * *

Словно догадка

Вздрагнет невольно —

Как же мне сладко.

Как же мне больно.

Как лихорадка —

Тайно, подпольно —

Больно и сладко,

Сладко и больно,

Бритвенно, гладко,

Хватит, довольно —

Больно и сладко,

Сладко и больно.

Мертвая хватка.

К стенке. Двуствольно.

Было так сладко.

Стало

Так

Больно...

* * *

Всё логично: чем туже кольца, тем меньше пульса.

Я теперь с тоской вспоминаю время, когда при встрече

Я могла улыбочиво говорить тебе: «Не сутулься»,

Расправляя твои насупившиеся плечи,

Когда чтобы позвать на чай тебя, надо было

Засвистеть из окна, пока ты проходишь мимо.

Чем в нас меньше простой надежды – тем больше пыла.

Чем нелепее всё – тем больше необходимо.

И чем дальше, тем безраздельнее мы зависим,

Сами себя растаскиваем на хрящики.

Здравствуйте, Вера. Новых входящих писем

Не обнаружено в Вашем почтовом ящике.

* * *

Ставками покера.

Тоном пресвитера:

Вечером рокеры —

Днем бэбиситтеры.

Чтобы не спятили.

Чтобы не выдали.

Утром приятели —

Вечером идолы.

* * *

Я ведь не рабской масти – будь начеку.

Я отвечаю требованиям и ГОСТам.

Просто в твоём присутствии – по щелчку —

Я становлюсь глупее и ниже ростом.

Даже спастись бегством, как от врагов,

Можно – но компромиссов я не приемлю.

Время спустя при звуке твоих шагов

Я научусь проваливаться сквозь землю.

Я не умею быть с тобой наравне.

Видимо, мне навеки стоять под сценой.

Эта любовь – софитовая, извне —

Делает жизнь бессмысленной.

И бесценной.

P.S.

Хоть неприлично смешивать кантату с

Частушками – мораль позволю тут:

С годами мной приобретётся статус,

И чаши в равновесие придут.

Согреем шумный чайник, стол накроем

И коньяку поставим посреди.

Устанешь быть лирическим героем —

Так просто пообедать заходи.

Ночь с 28 на 29 ноября 2004 года

Спецагенты

Братья сияются в опечатках
Разглядеть имена зазноб —
Я влюбляюсь без отпечатков
Пальцев. Правда, с контрольным в лоб.

Сёстры спрашивают о личном
Светским шёпотом Их сиятельств —
Я влюбляюсь всегда с поличным.
Без смягчающих обстоятельств.

Фразы верхом, а взгляды низом.
Трусость клопиков-кровопийц.

Я влюбляюсь всегда с цинизмом
Многократных самоубийц.

* * *

Целоваться бесшумно, фары
Выключив. Глубиной,
Новизной наполнять удары
Сердца, – что в поцелуй длиной.
Просыпаться под звон гитары,
Пусть расстроенной и дрянной.

Серенады одной струной.

Обожаю быть частью пары.

Это радостней, чем одной.

Но в любви не как на войне,

А скорее всего как в тайной

Агентуре: предатель не

Осуждается, а случайной

Пулей потчуетя во сне;

Ты рискуешь собой вдвойне.

И, подрагивая виском,

Словно ягодное желе я,

Сладким девичьим голоском

Металлическим – сожалею,

Но придётся, – метнуть куском

Стали в спину.

Давись песком,

Будто редкостным божоле, и

Как подденут тебя носком, —

Улыбайся им, тяжелея.

Так и буду одна стоять,

Оседая внутри клубами.

Память – это глагол на «ять».

Памю. Памяли. Памишь. Пами.

14 декабря 2004 года

Мужчины

Анне Заболотной

Наши мужчины – в сущности это ведь

Комкать рукав ладонями без перчаток

(Контур нечёток: утро из опечаток)

Лгнуть, капюшонно хмуриться – и трезветь.

Через плечо смотреть на асфальт и вслед.

Плюс тебе дует. И восемнадцать лет.

27 декабря 2004 года

Глобус

Евгении Махиной

Они уезжают группами,

Вгрызаются в карты лупами;

Затылочными скорлупами,

Носами своими глупыми —

Под купами!

И из самолётов трапами
Выкатываются с граппами,
Друзьями, детьми и папами —
Счастливыми, косолапыми
Арапами!

А мы при мечтах и ропоте:
Не ждут нас пока Европы те,
Чтоб мы на своем бы опыте:
– Дыра этот ваш Париж!
Дыра, говоришь?
Ну да, нувориш —
Смотри ж!

Не ждут нас пока и в Азии —
Спокойствие, узкоглазие,
Мне б «Иншалла!» в каждой фразе и —
В экстазе я.
Безобразие.

А друзья у меня – без визы
Смотрят мир, пока я скучаю.
Им для этого – телевизор
И коробка дрянного чаю.
Выпускают дымок сквозь губы
И посмеиваются звонко.

Там у них ну такая Куба,
Что фактически Амазонка.

- Я в Египте!

- А я в Кувейте!

- Мне насыпьте!

- И мне забейте!

- Штат Вирджиния!

Стейк на гриле!

- Что, дружинники,

Раскурили?

- Эй, соседка,

А я в Огайо!

- Больше, детка,

Не предлагаю.

- Я на Мальте!

- Я на Гаити!

- Шмальте, шмальте.

Еще хотите?

- Эй, попутчики!

Было клёво!

С добрым утречком

В Бирюлёво!

* * *

Чтобы ты вникнул:

Путаем злобу с

Жаждой каникул;

Мучаем глобус.

- Дивные дивы

Эти Мальдивы!

- Как Вы замшелы!

Я - на Сейшелы!

- Монастыри бы...

- Нет, на Карибы!

- Рай, если грубо,

Это Аруба!

- Мальчик, заткнись!

Съезди в Тунис!

Гибель турфирмам,

Виски и крабам:

- Вот бы мне к финнам!

- Мне бы - к арабам!

- Плюю на вопли ваши я.

Милей всего - Чувашия.

А еще зовёт душа

За верховья Иртыша.

– Стоп. Подождите-ка, а это где?

– Где-то в Америке?

– Вы не поверите!

В Караганде!

* * *

А поэт – у него болит.

Он крылат. Он космополит.

Он со всею планетой слит

И поэтому не скулит.

Ходит там, где очнётся мысль его.

И прохожий начнёт завистливо —

От же хитрый какой народ

Рифмоплёты! – и этим кислого

В ликование подольёт.

Да ускачет за поворот.

* * *

Тут у них салют.

Тут у них балет.

Мне бы чуть валют —

И простыл бы след.

Календарь жесток.

Чтобы жить без вьюг —

Надо на восток,

А потом на юг.

Кто крутит Бьорк,

Кто-то ставит Стрим.

Я хочу в Нью-Йорк.

Или лучше в Рим.

Кочевая рать.

Смуглая орда.

Я люблю играть

Только в города.

Ночь с 3 на 4 января 2005 года

Отпуск

– Веришь их козням?

Веришь их басням?

– Мне так легко с ним.

Я бы жила с ним.

– Будет бездельник

Да при невесте!

– Я и без денег.

Только бы вместе.

– Ох ты! Добро бы!..

Кольца примерьте!

– Я бы до гроба.

И после смерти.

– Ну а – оставил?

Боль же – тюрьма без

Сроков и правил!

– Переломаюсь.

– Был же вот прошлый —

Из преисподней!

– Нет, он хороший.

Он благородней.

– Вот недотёпой

Стала тряпичной!

– Донышком тёплой

Ямки ключичной.

– Принц будто! Отпрыск

Чей-нибудь княжий!

– Нет, просто отпуск.

Мне. От себя же.

6 января 2005 года

«Очень спокойно, мелочью не гремя...»

Очень спокойно, мелочью не гремя,
Выйти навстречу, пальчиками гремя
Тронув курок, поближе стрелять к межбровью;
Если и вправду это зовут любовью, —
Господи Святой Боже, помилуй мя.

Страсть – это шаткий мост от друзей к врагам;
Если фанатик – значит, и моногам:
Ты ему дышишь в шею, едва осмелюсь,
А в голове отточенным хуком в челюсть
Складываешь бесшумно к своим ногам.

Страсть – это очень технологичный дар
Чуять его за милю нутром – радар
Встроен; переговариваться без раций.
Хочешь любить – научись доверяться.

Фирменный отработывая удар.

Ночь с 23 на 24 января 2005 года

Суженое-ряженое

Гадание

Чуши не пороть.

Пораскованней.

- Дорогой Господь!

Дай такого мне,

Чтобы был свиреп,

Был как небоскрёб,

Чтобы в горле рэп,

А во взгляде стёб,

Чтоб слепил глаза,

Будто жестяной;

Чтоб за ним как за

Каменной стеной;

Туже чтоб ремней,

Крепче, чем броня:

Чтобы был умней

И сильнее меня;

Чтобы поддержал,

Если я без сил,

Чтобы не брюзжал,

Чтобы не бесил,

Чтобы был холен,
Чтобы был упрям,
Чтоб «У этой вон —
Идеальный прям!»

Чтобы, пыль вокруг
Каблуком клубя,
Он пришел и вдруг —
«Я люблю тебя».

* * *

По реке плывет топор
Вдоль села Валуева.
Он не видит и в упор,
Как же я люблю его.

* * *

– Рассказать ему? – Бровь насупит.
Да и делать-то будешь что потом?
– А исчезнуть? Как он поступит?
– Не умрёт. Всё приходит с опытом.
– А не любит? – Ну значит – stupid,
Пусть тогда пропадает пропадом.

* * *

- Уходить от него. Динамить.

Вся природа ж у них - дрянная.

- У меня к нему, знаешь, память —

Очень древняя, нутряная.

- Значит, к черту, что тут карьера?

Шансы выбиться к небожителям?

- У меня в него, знаешь, вера;

Он мне - ангелом-утешителем.

- Завяжи с этим, есть же средства;

Совершенно не тот мужчина.

- У меня к нему, знаешь, - детство,

Детство - это неизлечимо.

* * *

Шалостью бризовой,

Шелестью рисовой —

Поговори со мной,

Поговори со мной,

Солнечной, лиственной

Вязью осмысленной —

Ну поделись со мной

Тяжкими мыслями,

Тёмными думами,

Мрачной кручиною —

Слушать угрюмыми

Соснами чинными

Буду; как рай земной

Под кипарисами —

Поумирай со мной,

Поговори со мной,

Слеёны повылей чуть —

Я ведь как оттепель,

Я тебя вылечу,

Станет легко тебе,

Будто бы сызнова

Встанешь из пламени,

Только держись меня,

Не оставляй меня.

А коль решишь уйти,

Вот те пророчество:

Будешь искать пути,

Да не воротисься.

28-29 января 2005 года

Обстановочка

В трубке грохот дороги, смех,
«Я соскучился», Бьорк, метель.

Я немного умнее тех,
С кем он делит свою постель.

В почте смайлики, списки тем,
Фото, где я сижу в гостях;
Мне чуть больше везёт, чем тем,
Кто снимается в новостях.

В сумке книжка с недорогим
Телефоном, медведь, тетрадь:
Мне спокойнее, чем другим,
Кому есть уже, что терять.

В сердце вставлен её альбом,
Кровь толкается чуть быстрее.
Там безлюдней вспотевших лбом
Подворотен и пустырей.

Ночь с 12 на 13 февраля 2005 года

Сиамские близнецы

Целуемся хищно

И думаем вещно;

Внутри меня лично

Ты будешь жить вечно,

И в этой связи мы

Единой скелета, —

На долгие зимы,

На многие лета;

В нас ширится мощно

Грудная геенна —

И денно и ночью,

И ночью и денно;

Сиамское темя

У двух иностранцев —

Мы вместе на время.

Но не на пространство.

И да не возропщем,

Пока не остынем.

Найдемся по общим

Подкожным пустыням.

Ночь с 16 на 17 февраля 2005 года

«А где я? Я дома, в коме, зиме и яме...»

А где я? Я дома, в коме, зиме и яме.

Мурлыкаю в ванной медленно Only you,

Пишу себе планы, тут же на них плюю;

А кожа сидит на креме как на клею

И, если не мазать, сходит с тебя слоями.

А он где? Никто не знает; по веществу ведь

Он ветер; за гранью; без вести; вне игры.

Пусть солнце бесстыдно лижет ему вихры,

Пусть он устаёт от женщин и от жары, —

Его, по большому счёту, не существует.

Ведь, собственно, проходимцы тем и бесценны.

Он снится мне между часом и десятью;

Хохочет с биллбордов; лезет ко мне в статью.

Таджики – как саундтрек к моему нытью —

В соседней квартире гулко ломают стены.

Такая болезнь хоть раз, но бывает с каждым:

Я думала: я забыла сказать о важном,

Я вывернусь, я сбегу, полечу в багажном,

Туда же, всё с той же бирочкой на руке.

Я думала: я ворвусь и скажу: roqque?!..

Но Вечный грустит над очередью к реке,

В которую никого не пускает дважды.

Ночь с 18 на 19 февраля 2005 года

«И триединый святой спецназ...»

И триединый святой спецназ

Подпевает мне, чуть фальшивя.

Все, что не убивает нас,

Просто делает

Нас

Большими.

10 марта 2005 года

Журфак

Три родинки как Бермудский архипелаг.

Четыре кольца взамен одного кастета.

А выглянешь из окна университета —

Всё башенки, купола и трёхцветный флаг.

Михайло похож на шейха в тени чинар.

Подруга пьёт чай под лестницей, поджидая

Родного короткостриженного джедая,

С которым пойдёт прогуливать семинар.

Речь пряна и альма-матерна – по уму.

Покурят – и по редакциям: сеять смуту

В людских головах. Заглядываешь – в минуту

Друзья тебя топят в едком густом дыму.

Моргать – мерить кадры веками: вот, смотри.

Улыбкой пугать как вспышкой; жить просто ради

Момента, когда зажгутся на балюстраде

Магические, как в Хогвартсе, фонари.

Ты лёгкими врос: пыль, кофе, табак и мел,

Парфюмы – как маячки, как густой в ночи след

Фарного света; если тебя отчислят,

Ты сдохнешь, как кит, что выбросился на мель.

26 марта 2005 года

Песня ваганта

Звёзд рассыпанная сотня —

Сеть у месяца на спице.

Ночь прекрасна. Мне сегодня

Страшно хочется напиться.

Жизнь докучливая сводня,

Но изрядная тупица:

Выпить не с кем. Но сегодня

Я планирую напиться.

Сыр и, если вам угодней,

Остывающая пицца.

Если вы вагант – сегодня

Вам предписано напиться.

Ночь безмолвная субботня.

По карнизу ходит птица.

– Отче, я один сегодня.

Ты мне можешь пригодиться.

Мне нужна Твоя Господня

Всемогущая десница.

Ты устал. Тебе сегодня

Тоже следует напиться.

Ночь с 31 марта на 1 апреля 2005 года

Тринадцать строф

От богатых господ

Золотыми гостиными

Уношу тебя под

Ногтевыми пластинами,

За подкладкой – как гаш,

Мысли взглядами робкими

Отсылая в багаж

Черепными коробками;

Мимо тех, кому лжём,

Шефу, маме ли, Кате ли —

Перочинным ножом

Сквозь металлоискатели,

Из-под острых ресниц

Глядя, будто бы клад ища —

Мимо старых гробниц

Или нового кладбища;

От срывающих куш —

Или рвущихся в дебри те —

Мимо грязных кликуш

И холёных селебрити,

Что галдят ни о чём —

Каблучищами гордыми,

Льдом, песком, кирпичом,

Мостовыми, биллбордами,

Уношу, словно ком

Снежный - в горле - не выстою —

Как дитя под платком

Уносила Пречистая;

Вместо пуль и камней,

Сквозь сердечную выжженность,

Мимо тех, кто умней,

Или, может быть, выше нас,

Волочу, как босяк

Ногу тащит опухшую.

Мимо тех, кто иссяк,

Или тех, кого слушаю,

Посекундно платя —

Обещая, что в пыль сотру.

Уношу, словно стяг,

Что полощется по ветру —

Во весь дух. Во всю прыть —

Как горючее кровь ещё —

Уношу, чтоб зарыть,

Утопить, как сокровище,

И доверить воде

Бескорыстно, по-вдовьему:

Чтоб на Страшном суде

Бросить в чашу весов Ему.

В банк? Проценты с него?

Чтобы я - да тетрадь вела?..

Отче, я ничего,

Ничего не потратила.

9 апреля 2005 года

«Первой истошной паникой по утрам...»

Пройду, любвищу мою волоча.

В какой ночи,

бредовой,

недужной,

Какими Голиафами я зачат —

Такой большой

И такой ненужный?

В. Маяковский, 1916

Первой истошной паникой по утрам —

Как себя вынести,

Выместить, вымести;

Гениям чувство кем-то-любимости —

Даже вот Богом при входе в храм —

Дорого: смерть за грамм.

Впрочем, любая доза для нас горька

Ломками острыми;

Странное чувство рождённых монстрами:

Если не душит собственная строка —

Изредка доживаем до сорока.

Загнанно дышим; из пузырька драже

Сыплем в ладонь, от ужаса обессилев.

Лучший поэт из нынешних – Саш Васильев,

И тому тридцать шесть уже.

Впрочем, мы знаем каждый про свой черёд —

Кому из верности

Нас через дверь нести;

Общее чувство несоразмерности —

Даже с Богом, который врёт —

Ад, данный наперёд:

Мощь-то близкого не спасла б,

Тенью хоть стань его.

Нету смертельнее чувства титаньего,

Тяжелей исполинских лап —

Хоть ты раним и слаб.

Масть Кинг-Конгова; дыбом шерсть.

Что нам до Оскара,

Мы – счёт веков с кого;

До Владимира Маяковского

Мне – всего сантиметров шесть.

Царь? Так живи один, не калечь ребят.

Негде? Так ты прописан-то сразу в вечность.

Вот удивится тот, кто отправит в печь нас:

Памятники! Смеются! И не горят!..

Ночь с 18 на 19 апреля 2005 года

Ромул и Рем

Я была Ромулом, ты был Ремом.

Перемигнулись, создали Рим.

Потом столкнула тебя в кювет.

Привет.

Я пахну тональным кремом.

Ты разведён со своим гаремом.

Мы вяло, медленно говорим.

Кто сюзереном был, кто вассалом?

Прошло как минимум пару эр.

Друг другу, в общем, давно не снимся.

Лоснимся.

Статусом.

Кожным салом.

Ты пьёшь Варштайнер, я пью пуэр.

Цивилизацию в сталь одело

И хром – докуда хватает глаз.

И, губы для поцелуя скомкав,

Мы не найдём тут родных обломков.

Я плохо помню, как было дело —

Прочти учебник за пятый класс.

И, кстати, в целости самовластье.

Там пара наших с тобой имён.

Ты был мне – истинный царь и бог.

Но стены Рима сжевал грибок,

А впрочем, кажется, увлеклась я

Усталым трёпом в конце времен.

Потомки высекли нас. В граните.

Тысячелетьям дано на чай.

Мы – как Джим Моррисон и Сед Вишез.

Я выковыриваю, скривившись,

Посредством нити

В зубах завязнувшее «прощай».

Ночь с 4 на 5 мая 2005 года

Благовест

В этой мгле ничего кромешного нет —

Лишь подлей в неё молока.

В чашке неба Господь размешивает

Капучинные облака.

В этом мае у женщин вечером

Поиск: чьё ж это я ребро?

Я питаюсь копчёным чечилом.

Сыр – и белое серебро.

Этот город асфальтом влагу ест

Будто кожей. А впереди

Тётя встала послушать благовест,

Что грохочет в моей груди.

Ночь с 14 на 15 мая 2005 года

«Лето в городе, пыль столбом...»

Лето в городе, пыль столбом.

Надо денег бы и грозу бы.

Дни – как атомные грибы:

Сил, накопленных для борьбы,

Хватит, чтобы почистить зубы,

В стену ванной уткнувшись лбом.

Порастеряны прыть и стать.

Пахнет зноем и свежим дёрном,

Как за Крымским за перешейком.

Мозг бессонницу тянет шейком —

И о бритве как о снотворном

Начинаешь почти мечтать.

Как ты думаешь, не пора ль?

Столько мучились, столько вдали.

Память вспухла уже, как вата —

Или, может быть, рановато?

Ты, наверное, ждёшь морали.

Но какая уж тут мораль.

29 мая 2005 года

«Что-то клинит в одной из схем...»

Что-то клинит в одной из схем.

Происходит программный сбой.

И не хочется жить ни с кем,

И в особенности с собой.

Просто срезать у пяток тень.

Притяжение превозмочь.

После – будет всё время день.

Или лучше всё время ночь.

* * *

Больно и связкам, и челюстным суставам:

– Не приходи ко мне со своим уставом,

Не приноси продуктов, проблем и денег —

Да, мама, я, наверное, неврастеник,

Эгоцентрист и злая лесная нежить —

Только не надо холить меня и нежить,

Плакать и благодарности ждать годами —

Быть искрящими проводами,

В руки врезавшимися туго.

Мы хорошие, да - но мы

Детонируем друг от друга,

Как две Черные Фатимы.

- Я пойду тогда. - Ну пока что ль.

И в подъезде через момент

Еёкаторжный грянет кашель

Как единственный аргумент.

* * *

О, швыряемся так неловко мы —

- Заработаю я! Найду! —

Всеми жалкими сторублёвками,

Что одолжены на еду,

Всеми крошечными заначками,

Что со вздохом отдал сосед —

Потому что зачем иначе мы

Вообще рождены на свет,

Потому что мы золочёная,
Но трущобная молодёжь.
Потому что мы все учёные
И большие поэты сплошь.

Пропадёшь,
Коли попадёшь в неё —
Ведь она у нас ещё та —
Наша вечная, безнадёжная,
Неизбывная нищета.

* * *

Уж лучше думать, что ты злодей,
Чем знать, что ты заурядней пня.
Я перестала любить людей, —
И люди стали любить меня.

Вот странно - в драной ходи джинсе
И рявкой в трубку, как на котят —
И о тебе сразу вспомнят все,
И тут же все тебя захотят.

Ты независим и горд, как слон —
Пройдёт по телу приятный зуд.
Гиены верят, что ты силён —
А после горло перегрызут.

* * *

Я совсем не давлю на жалость —

Само нажалось.

Половодьем накрыло веки, не удержалось.

Я большая-большая куча своих пожалуйст —

Подожгу их и маяком освещу пути.

Так уютнее – будто с козырем в рукаве.

С тополиной опухолью в листве;

– Я остаюсь летовать в Москве.

– Значит, лети.

Лети.

17 июня 2005 года

Сливы

Ты умело сбиваешь спесь —

Но я справлюсь, куда деваться;

Ночью хочется напиваться,

Утром хочется быть не здесь.

Свален в кучу и гнил на треть,

Мир подобен бесхозным сливам;

Чтобы сделать Тебя счастливым,

Нужно вовремя умереть.

Оступиться, шагая по

Нерву – hey, am I really gonna

Die? – не освобождать вагона,

Когда поезд пойдёт в депо.

В землю падаль педалью вжать,

Чтоб не радовалась гиеня

Свора пакостная; гниеня

Коллективного избежать.

И другим, кто упруг и свеж,

Объяснить все как можно чётче;

Я уже поспеваю, Отче.

Забери меня в рай и съешь.

Ночь с 25 на 26 июня 2005 года

Маленький рок-н-ролл

P. S.

И не то чтоб прямо играла кровь

Или в пальцах затвердевал свинец,

Но она дугой выгибает бровь

И смеётся, как сорванец.

Да ещё умна, как Гертруда Стайн,
И поётся джазом, как этот стих.
Но у нас не будет с ней общих тайн —
Мы останемся при своих.

Я устану пить и возьмусь за ум,
Университет и карьерный рост,
И мой голос в трубке, зевая к двум,
Будет с нею игрив и прост.

Ведь прозрачен взор её, как коньяк,
И приветлив, словно гранатомёт, —
Так что если что-то пойдёт не так,
То она, боюсь, не поймёт.

Да, её черты выражают блюз
Или босса-нову, когда пьяна;
Если я случайно в неё влюблюсь —
Это будет моя вина.

Я боюсь совсем не успеть того,
Что имеет вес и оставит след,
А она прожектором ПВО
Излучает упрямый свет.

Этот свет никак не даёт уснуть,
Не даёт себя оправдать ни в чем,
Но зато он целится прямо в суть

Кареглазым своим лучом.

Ночь 28-29 июня 2005 года

Disk World

Мир это диск, как некогда Терри Пратчетт

Верно подметил; в трещинах и пиратский.

Каждую ночь приходится упираться

В то, что вино не лечит, а мама плачет,

Секс ничего не значит, а босс тупит;

И под конец мыслительных операций

Думать: за что же, братцы? – и жать repeat.

Утро по швам, как куртку, распорет веки,

Сунет под воду, чтобы ты был свежее;

Мы производим строки, совсем как греки,

Но в двадцать первом треке – у самых шей

Время клубится, жарким песком рыжея,

Плюс ко всему, никто не видал Диджея,

И неизвестно, есть ли вообще Диджей.

И мы мстительны, как Монтекки,

И смеёмся почти садистски —

А ведь где-то другие деки.

И стоят в них другие диски.

Там ладони зеркально гладки —
Все живут только настоящим,
Там любовь продают в палатке
По четыре копейки ящик;
Солнце прячет живот под полог
Океана – и всходит снова;
Пляж безлюден, и вечер долог,
Льётся тихая босса-нова,
И прибой обнимает ноги,
Как весёлый щенок цунами,
И под лёгкими нет тревоги,
И никто не следит за нами;

Просто пена щекочет пятки,
И играют в бильярд словами,
В такт покачивают мулатки
Облакастыми головами;
Эта музыка не калечит,
Болевой вызывая шок —
Она легче —
Её на плечи
И несёшь за собой, как шёлк.

Мы же бежим, белки закатив, как белки,
Кутаемся в родной пессимизм и косность;
Воздух без пыли, копоты и побелки

Бьёт под ребро как финка и жжёт нутро.

...Новое утро смотрит на нас, раскосых,
Солнечной пятернёй тонет в наших космах
И из дверей роняет в открытый космос,
Если пойти тебя провожать к метро.

25 июля 2005 года

«В освещении лунном мутненьком...»

В освещении лунном мутненьком,
Проникающем сквозь окно,
Небольшим орбитальным спутником
Бог снимает про нас кино.

Из Его кружевного вымысла
Получился сплошной макабр.

Я такая большая выросла,
Что едва помещаюсь в кадр.

Ночь 28-29 июля 2005 года

«Доктор, как хорошо, что Вы появились...»

Доктор, как хорошо, что Вы появились.

Доктор, а я волнуюсь, куда ж Вы делись.

Доктор, такое чувство, что кто-то вылез

И по лицу сползает из слёзных желёз.

Доктор, как Вы живёте, как Ваши дети?

Крепко ли спите, сильно ли устаёте?

Кресло тут в кабинете, Господь свидетель,

Прямо такое точно, как в самолёте.

Доктор, тут к Вам приходят все словно к Будде.

Доктор, у Вас в газете – всё на иврите?

Доктор, прошу Вас, просто со мной побудьте.

Просто со мной немножко поговорите.

* * *

Что меня беспокоит? На-ка вот:

Я хочу, чтоб на Рождество

Сделал Бог меня одинаковой,

Чтоб не чувствовать ничего.

Острый локоть —

В грудную мякоть:

Чтоб не ёкать

И чтоб не плакать;

Чтоб не сохнуть

И чтоб не вякать —

Чтобы охнуть

И рухнуть в слякоть.

* * *

Лечь, лопатки впечатать в дно

И закутаться в ил, древнея.

Вот тогда станет все равно.

А со временем – все равнее.

* * *

Что молчите, не отвечая мне?

И качаете головой?

Может, чая мне? от отчаянья?

С трын-травой?

У меня, может, побываете?

Перейдем на другой тариф мы?

Запретите слагать слова эти

В эти рифмы?

Приласкаете? Отругаете?

Может, сразу удочерите?

Доктор, что Вы мне предлагаете?

Говорите!

В дверь толкнёшься на нервной почве к Вам —

Руки свяжут, как два ремня!..

Что Вы пишете птичьим почерком?

Вы выписываете меня?..

Ночь 13-14 августа 2005 года

Игры

Ну давай, давай, поиграй со мной в это снова.

Чтобы сладко, потом бессильно, потом хреново;

Чтобы – как же, я не хотел ничего дурного;

Чтоб рычаг, чтобы три семёрки – и звон монет.

Ну давай, давай, заводи меня, трогай, двигай;

Делай форвардом, дамкой, козырем, высшей лигой;

Я на старте, я пахну свежей раскрытой книгой;

Ставки сделаны, господа, ставок больше нет.

Раз охотник – ищи овцу, как у Мураками;

Кулаками – бумага, ножницы или камень —

Провоцируй, блефуй, пытай меня не-звонками;

Позвонками моими перебирай в горсти.

Раз ты вода – так догони меня и осаль, но

Эй, без сальностей! – пусть потери и колоссальны,

Мы, игрушечные солдаты, универсальны.

Пока не умираем, выхрипев «отпусти».

Пока нет на экране баллов, рекордов, блёсток;
Пока взгляд твой мне жарит спину, лазурен, жёсток;
Пока ты мое сердце держишь в руке, как джойстик,
Пока ты никого на смену не присмотрел;

Фишка; пешечка-партизан; были мы лихими,
Стали тихими; привыкать к добровольной схеме
И ладони, глаза и ружья держать сухими;
От E2-E4 в сторону шаг - расстрел.

Я твой меч; или автомат; дулом в тёплый бок —
Как губами; я твой прицел; я иду по краю,
Как сапёр, проверяю кожей дорогу к раю
На руке у тебя - и если я проиграю,
То тебя самого в коробку уложит - Бог.

27 августа 2005 года

«Просыпаешься - а в груди горячо и густо...»

Просыпаешься - а в груди горячо и густо.
Всё как прежде - но вот внутри раскалённый воск.
И из каждой розетки снова бежит искусство —
В том числе и из тех, где раньше включался мозг.
Ты становишься будто с дом: чуешь каждый атом,

Дышишь тысячью лёгких; в поры пускаешь свет.

И когда я привыкну, чёрт? Но к ручным гранатам —

Почему-то не возникает иммунитет.

Мне с тобой во сто крат отчаяннее и чище;

Стиснешь руку - а под венец или под конвой, —

Разве важно? Граната служит приправой к пище —

Ты простой механизм себя ощущать живой.

* * *

И родинки, что стоят, как проба,

На этой шее, и соус чили —

Опять придётся любить до гроба.

А по-другому нас не учили.

* * *

Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче,

Рвусь на звук поцелуя, тембр - что мглы бездонней;

Я твой глупый пингвин - я робко прячу

Своё тело в утёсах тёплых твоих ладоней;

Я картограф твой: глаз - Атлантикой, скулу - степью,

А затылок - полярным кругом: там льды; that's it.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Иосиф Бродский «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...»

Купить: https://tellnovel.com/polozkova_vera/nepoemanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)